

МИХАИЛ ЗЛОВИН

КНИГА I

МЕРДМУМ

Михаил Злобин

Книга первая: Медиум

«Автор»

2023

Злобин М.

Книга первая: Медиум / М. Злобин — «Автор», 2023

Мой дар позволяет возвращать мертвых к жизни, говорить с ними, и даже повелевать. Но я никогда не желал использовать свою силу во зло. Напротив, я старался помогать полиции в расследовании убийств, узнавая все подробности произошедшего непосредственно у жертв. Однако нашлись те, кому мои способности встали костью в горле, те, кто не хотел, чтобы мертвецы когда-нибудь заговорили вновь. За моей головой началась настоящая охота, и теперь, чтобы просто выжить, я вынужден творить ужасные вещи. Что ж, вы сами сделали из меня монстра...

© Злобин М., 2023

© Автор, 2023

Содержание

Пролог	5
Глава 1	11
Глава 2	23
Глава 3	32
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Михаил Злобин

Книга первая: Медиум

Пролог

Белоснежная «Ауди» мягко притормозила перед шлагбаумом КПП неизвестного для обычного обывателя учреждения. По содержанию красной таблички и характерной эмблеме орла можно понять только то, что оно явно относится к структуре министерства внутренних дел, но не более того.

Сидя в салоне своего дорогого автомобиля, который своей кричащей белизной бросал вызов промозглой октябрьской серости Москвы, я ожидал, когда ко мне подойдет дежурный, чтобы пропустить меня на территорию, и полицейский не заставил себя долго ждать. Выскочив из небольшой застекленной будки, на ходу поправляя фуражку, он украдкой мазнул взглядом по номеру моего авто. Да, понимаю, спорт-кар стоимостью в десяток миллионов рублей в сочетании с номером хбббхх смотрится немного пижонски. Но иначе в моей профессии никак. Общаться приходится с такими людьми, которые просто не поймут меня, если в моем образе хоть одна деталь не будет кричать о высоком достатке. Хоть никого в Москве дорогим автомобилем нынче и не удивишь, но без него тебя скорее просто не заметят. Здесь любят встречать по одежке. И по консервной банке, в которой эта одежка разьежжается. А человек, так, не более чем придаток. Так что, можно сказать, что это просто мой пропуск к местному бомонду, не более.

Опустив стекло перед дежурным, я выслушал стандартную фразу о закрытом объекте, въезде только для служебного транспорта и прочем бла-бла-бла. Когда мужчина в форме сделал паузу, дав мне возможность вставить слово, я, не утруждая себя приветствием, объявил:

– Я к майору Галиуллину. Он меня ждет.

Дежурный, на погонах которого я разглядел всего одну маленькую звездочку, на секунду подзавис, услышав знакомую в этих стенах фамилию, но быстро сориентировался:

– Подождите, я уточню!

Сбегав в свой «аквариум» и переговорив с кем-то по телефону, он вскоре вернулся.

– Все в порядке, вас будут ожидать у пожарного выхода. Это слева от парковки, нужно будет повернуть за...

Благодарно кивнув, я прервал младшего лейтенанта.

– Не переживайте, я найду.

Увидев, что дежурный хочет еще что-то спросить, но мнетя и никак не решается, я картинно вздохнул и не удержался от небольшой шалости.

– Спрашивайте уже, лейтенант, не стесняйтесь.

– А... кхм, да. Простите за любопытство, но это же про вас показывали сюжет в новостях? Вы действительно экстрасенс?

– Нет, конечно, не верьте журналистам и телевизионным шоу. Экстрасенсов не существует, это все шарлатанство.

Наблюдая за полицейским, который уже разочарованно протянул: «А-а-а, понятно...», я огорошил его:

– Я всего лишь медиум.

От вида лица опешившего дежурного меня чуть не разобрал смех. Застыв с открытым ртом, младший лейтенант только и смог выдавить:

– А... а разница?

– Разница между медиумом и экстрасенсом?

– Угу.

– Разница в ремесле, так сказать! Я вот, к примеру, говорю с мертвыми. А экстрасенсы – просто мошенники.

– Э-э-э... спасибо за информацию. Проезжайте, пожалуйста.

Дежурный скорчил донельзя скептическую мину, всем своим видом показывая, что я похож больше на психа, чем на медиума. Он быстро ретировался и спрятался в своей будке, потеряв всякий интерес к моей персоне. А я, тем временем, посмеиваясь над его реакцией, вырулил на стоянку и отправился к ожидавшему меня майору Галиуллину, фигура которого уже нетерпеливо вышагивала за углом здания, теребя в руках сигарету в нервном ожидании. Судя по тому, что он то и дело порывался ее прикурить, но в последний момент убирал зажигалку, сигарета была явно не первой, и майор успел уже изрядно накуриться.

Завидев меня, он поспешил в мою сторону, на ходу хмуря брови.

– Здорово, Серега! – Полицейский протянул мне ладонь для рукопожатия. – Ну, наконец-то! Веришь, нет, я уже полпачки скурил, пока ждал тебя! Думал, дым из ушей пойдет! Ты чего так долго?

– Привет, Дамир! – Крепко пожал ему руку, почувствовав неприкрытую тревогу, исходящую от него. – А ты будто не знаешь? Москва же! Я, вообще-то, не на вертолете летаю. Пробки, будь они неладны.

– Мог бы и на метро разок съездить, дело срочное, блин, я же по телефону предупреждал!

Я слегка офигел от такого заявления. Нет, я, конечно, все понимаю, человек явно на нервах, но границы все же нужно соблюдать. Тот факт, что я вообще здесь нахожусь, это дань нашим приятельским отношениям с Дамиром, которые зародились в те далекие годы, когда я решил впервые заявить о себе как о проводнике в мир мертвых. Это был разгар лихих девяностых, когда с экранов телевизоров заряжали воду, лечили от всех болезней двадцать пятым кадром и впаривали чудодейственные циркониевые браслеты. Лучшего времени для появления говорящего с мертвецами было сложно придумать.

В первый раз, смешно вспоминать, но меня даже слушать не стали, выставив взашей из отделения. Но я был слишком упорным, так что подловил вне стен отдела отчаявшегося новичка, на которого скинули очевидный «глухарь» и требовали подвижек по делу. Этим новичком и был Галиуллин. Пребывая в полной растерянности и не имея ни единой зацепки, он согласился на мое предложение и с горем пополам сумел организовать очную ставку с моим первым клиентом. Тогда я затеял это ради того, чтобы создать себе репутацию настоящего медиума. Привлечение к реальному расследованию – это ли не признание моих способностей? Со временем, расчет оправдался. Черда запущенных обо мне слухов дошла до ушей нужных людей, которые сперва из простого любопытства начали мной интересоваться, а в конечном итоге стали широко пользоваться моими услугами, некоторые даже на постоянной основе.

Чтобы не плодить себе врагов на пустом месте, я придумал простую легенду с несколькими правилами, дабы окружающие были убеждены в бесполезности попыток втянуть меня в какой-нибудь промышленный шпионаж и бизнес-войны. Основопологающим правилом было то, что от мертвеца невозможно чего-либо добиться угрозами или убеждением. Если он при жизни скрывал какую-либо информацию, то после смерти не выдаст ее и подавно. Поскольку реальной конкуренции у меня в таких делах никогда не было, то и подтвердить или опровергнуть это правило никто не мог. Конечно, было множество попыток вовлечь меня в крайне мутные истории, но я съезжал весьма умело, оперируя именно своими выдуманскими ограничениями.

Но это было потом. А в первый раз, когда подтвердился весь пересказ, слышанный мной от жертвы убийства, меня посчитали соучастником преступления и закрыли в следственном изоляторе на четыре дня. Если бы не мое железобетонное алиби, которым я озаботился заранее, даже не берусь предполагать, чем все это бы закончилось.

Ну и поскольку репутацию невозможно выстроить из одного кирпичика, в дальнейшем мне еще не единожды приходилось помогать милиции вообще забесплатно. Это было что-то вроде частных консультаций, после которых некоторые далеко не рядовые служащие даже получили новые звезды. За эксплуатацию моего труда некоторые даже опрометчиво обещали вернуть мне должок, о чем я, к их вящему неудовольствию, ни на секунду не забываю.

С тех пор прошло уже много лет, но хорошие (я бы даже сказал почти дружеские) отношения сохранились только с Дамиром. Поэтому от этого человека вдвойне неприятно было выслушивать подобные заявления.

В ответ на мою вопросительно изогнутую бровь Галиуллин сразу сник.

– Кхе... извини, Серега. Перегнул, виноват. Просто дело до ужаса щекотливое. Меня уже обещали в капитаны разжаловать с переводом в участковые, вот я и сказанул глупость на нервяках.

– Хорошо, что ты это сам понял! – Не стал я сердиться на майора. – Ты же знаешь, как я жутко не люблю, когда мои альтруистические порывы начинают вменять мне в обязанности. Еще бы пришлось напоминать тебе, что происходит, когда тебе фуражка голову отдавливает, и ты вдруг начинаешь считать меня своим подчиненным да, Дамир?

Последнюю фразу я произнес с нажимом, открыто намекая на один неприятный конфликт, который разгорелся между нами в прошлом. Тогда Галиуллин тоже вдруг с чего-то посчитал, что имеет моральное право давить на меня и даже что-то требовать.

– Ну хватит уже, чего ты сразу заводишься? – Поморщился он.

– А это чтоб ты не расслаблялся, государев человек! А то с вашим братом иначе нельзя, на шею садитесь.

Насладившись редким зрелищем пристыженного майора, я все же с великодушным видом махнул рукой.

– Ладно, веди уже. Где там мой клиент?

– Клиент, блин... шуточки эти твои – пробурчал Дамир, указывая мне дорогу к жертве очередного убийства.

Пройдя по выкрашенным коричневой краской коридорам, в которых буквально каждая деталь кричала о принадлежности казенному дому, мы вошли в одно из помещений, стены которого украшала ужасная зеленая кафельная плитка.

– А почему в селекционной держите труп? – спросил я, разглядывая полупустое помещение. Тут, помимо привезенной каталки с накрытым простыней телом, стояли только два пустых патологоанатомических стола и несколько медицинских стеклянных шкафов с множеством специфических инструментов и склянок.

– Ну так... для тебя ж специально все устроили! Не у холодильников же торчать, мерзнуть.

Майор попытался изобразить беззаботность, но я где-то на грани восприятия уловил от него нотки смущения.

– Боитесь, что я с остальными жмуриками парой фраз перекинусь? – Не сдержал я ехидной улыбки.

– Вот что ты за человек, Секирин? Ерунду говоришь всякую! Да ну тебя!

Дамир в сердцах махнул рукой, показывая всю глубину своего возмущения моим обвинением. Но, во-первых, я слишком давно его знал, чтобы он мог так легко меня обмануть, а во-вторых, моя способность ощущать эмоции других людей теперь уже явно просигнализировала о том, что он сильно смутился. Хм... значит, не показалось, и правда опасаются.

И, судя по реакции Галиуллина, он прекрасно понял, что несмотря на мой полусутоливый тон, я обо всем догадался верно, и выводы об уровне доверия сделал соответствующие. Однако сам он выглядел почти извиняющимся, как бы говоря своим видом: «Извини, приятель, служба такая. Хочешь узнать больше – надевай китель» И пробивающийся сквозь мое

восприятие легкий флер вины явно намекал мне, что он очень стыдится такой демонстрации недоверия. Однако я даже на него и не думал обижаться. Я ж прекрасно понимаю, над ним сидит начальство, с которым спорить себе дороже. Да и чужих секретов мне отродясь не надо было, от них сплошные проблемы. Так что я абсолютно не имел никаких претензий, что и поспешил продемонстрировать.

– Ладно тебе обиду вселенскую изображать, – хмыкнул я, – говори уже, чего хочешь вот у него спросить, – кивок головы в сторону тела.

– Ох-хо-хо! Тут не так все просто, Сергей. Спросить-то я хочу многое, но вот утвердили мне только такой перечень. – Он протянул мне листок с общими, в принципе, вопросами, – и очень прошу, не любопытствуй лишнего, ага?

– Дамир, расслабься! Я все понимаю, чай не на детский утренник пришел. Секретность, уровни допуска и прочая ваша служебная шелуха мне прекрасно знакома. – Ободряюще хлопнул я майора по плечу, попутно изучая переданный мне лист бумаги. – Но и ты не забывай, с какими людьми мне работать приходится. Если б не умел держать язык за зубами, давно бы «выбыл» из бизнеса.

Свою последнюю фразу я для наглядности сопроводил жестом, проведя ладонью по горлу, однако Галиуллин не спешил успокаиваться.

– Знаю, Серега, знаю! Будь на твоём месте кто-либо другой, я бы вообще не рискнул его привлекать. Ты просто не представляешь, интересы **каких** людей затронуты в этом деле. Вся эта затея сугубо под мою ответственность организована. Если хоть что-то пойдет не так, хоть вот настолько, – он показал мне микроскопический зазор между пальцев, – то первой оторвут именно мою башку. Вот такой здесь расклад, без всяких прикрас...

Переваривая услышанное, я мысленно выругался. Нет, ну нельзя же так! Это как подойти к человеку и сказать: «Не думай о белой обезьяне!» И первое, что этот гипотетический человек сделает, это обязательно о ней подумает. Теперь работать нужно будет втрое осторожнее, чтобы и правда чего лишнего не зацепить. Истинность изречения: «Во многих знаниях многие печали» я успел познать на себе уже неисчислимое количество раз. Но я же профессионал, мать твою! Я смогу! Наверное...

– Общаться с мертвыми, это тебе не в Гугле запрос вбить, – проворчал я больше для успокоения Галиуллина, припоминая одно из своих выдуманных правил. – Не факт, что он вообще на эти твои вопросы захочет отвечать.

Конечно же, я безбожно лукавил. Нет у мертвеца ничего такого, что бы он сумел от меня скрыть. По крайней мере, мне такие уникалы пока еще не попадались. Но знать об этом не положено ни единой живой душе. Пусть лучше все будут убеждены, что я не могу получить любую, какую только захочу информацию от покойника. Так всем будет спокойней жить, и мне в первую очередь.

Подойдя к труп, я откинул простыню с его головы. Под тканью оказался мужчина, приблизительно пятидесяти лет. Утонченные черты лица, которые не смогла испортить даже смерть, аккуратная испанская бородка, волевой подбородок, широкая мужественная челюсть. Его темные волосы слегка посеребрила седина, делая образ покойного каким-то по-отечески располагающим. Подсознательно же к нему хотелось относиться со всем возможным уважением и пиететом, как к мудрому наставнику, который знает ответы на большинство жизненных вопросов, или что-то вроде того. Весь внешний вид мертвеца не просто намекал, а прямо кричал о его высоком положении при жизни, и принять его за рядового клерка не получалось даже в таком виде – распластанном голышом на холодной каталке.

Без тени брезгливости положив ладонь покойнику на лицо, я попросил Дамира выйти, а сам, тем временем, начал осторожно накачивать тело покойного Силой.

Я выпустил ее уже достаточное количество, когда краем глаза увидел в дверном проеме фигуру еще одного полицейского.

– Опа, Галиуллин! А че тут происходит? Почему посторонние на объекте?

Пожилой усатый мужчина в новехоньком кителе по-свойски вошел в секционную, заложив руки за спину. Он всем своим видом демонстрировал главенствующее положение, а заодно эдакий хозяйский настрой кого-нибудь как следует пропесочить.

– Товарищ полковник, – Дамир раздраженно поглядел на преградившего ему выход полицейского – не мешайте, пожалуйста! Все согласовано с генерал-майором Суховым, и посторонний здесь по его личному распоряжению. Еще вопросы?

О как. Сухов, говоришь? А мне сказал, что сугубо под твою ответственность. Как же так, Дамир?

Услышав фамилию начальника всего и вся в этом (и не только этом) здании, усач быстро потерял весь задор, но не любопытство.

– А-а-а, ну если Сухов согласовал, тогда ладно. А этот, – кивок в мою сторону, – че делать-то собрался? Это же колдун с телевидения, да?

Майор не успел ответить, потому что я, отвлекшись на их разговор, почувствовал, как упустил критически много энергии. Само по себе это не несло никаких необратимых последствий, но если прямо сейчас, при посторонних, здесь вскочит оживший труп, всему моему тщательно выстроенному и прилизанному со всех сторон амплу медиума придет каюк. Да и мне, пожалуй, тоже. Черт, да я даже не уверен, что Дамир бы сумел понять и принять тот факт, что я могу поднимать мертвых, что уж говорить об этом столь неудачно забредшем полковнике?! И пойдет эта присказка передаваться из уст в уста, пока не дойдет до нужных (вернее будет сказать, ненужных) людей. А потом... головой готов поручиться, что на этой планете нет ни единой страны, чье правительство сможет лояльно отнестись к тому, кто способен заставить восставать мертвецов. Вскройся этот факт, и мне до конца моих дней будет уготована участь либо подопытного кролика, либо вечного раба, либо и того, и другого одновременно. А то и вовсе на вилы поднимут, как в средние века.

Пытаясь предотвратить надвигающуюся катастрофу, я прорычал, выпуская в сторону выхода невидимые для других людей щупальца своего дара:

– ВСЕ ВОН ОТСЮДА!

Полицейские разом замолчали, ощутив будто могильный холод стискивает их сердца, отчего те начинают трепыхаться, как пойманные в силки птицы. Их лица приобрели серо-зеленый оттенок, вмиг оставшись без капли румянца, а глаза повылезали из орбит от внезапно поднявшейся волны ужаса. Дамир среагировал первым. Он чуть ли не бегом бросился к выходу, выталкивая заодно и неожиданного визитера.

– Как вовремя, черт подери! – Пробормотал я, смахивая со лба выступившую испарину, ведь именно в тот момент, когда за МВДшниками закрылась дверь, мертвец начал мелко дрожать от наполнившей его Силы. Веки его распахнулись, блеклые глаза стали вращаться в глазницах, а из горла раздалось силпое шипение. Это покойник инстинктивно пытался сделать вдох. Вообще, я давно заметил, еще в молодости, во время опытов над подвальными крысами, что чем «свежее» труп, тем легче и натуральней он копирует поведение себя живого. Этот, не смотря на то, что пролежал мертвым уже несколько дней, еще не успел позабыть въевшиеся в подкорку человеческие рефлексy. Однако, уверен на сто десять процентов, попытайся я его сейчас поднять полноценно, поведение его от живого будет отличаться так же сильно, как отличается стакан воды от стакана водки. Издали, вроде, похоже, но вблизи разница очевидна. И дело вовсе не в запахе. Хотя, ладно... неудачный пример. В общем, просто поверьте на слово, я подобного насмотрелся предостаточно, воскрешая грызунов.

Мертвые пальцы заскребли по кушетке с противным звуком, но я даже не поморщился. Мало что может быть столь же неприглядным, как пробуждение мертвеца, но Дамир успел меня провести через полсотни всевозможных убийств, так что подобная мелочь не могла вызвать у меня даже самую захудалую мурашку. Иногда приходилось и трупы в квартирах допрашивать,

которые провалялись возле батареи по несколько дней, а иногда и недель. Вот это зрелище, скажу я вам, действительно тошнотворное. А этот, по крайней мере, вполне свеженький.

Наконец, труп усвоил и распределил неосторожно вложенные мной излишки Силы, и теперь просто лежал с полуприкрытыми глазами, изредка делая судорожные движения глазами яблоками. Что ж, теперь можно и поговорить!

– *Здравствуй, усопший.*

– *Зд... ра... вствуй.*

Голос в моей голове был безэмоциональный и скрипучий. Было заметно, что слова с трудом давались покойнику. Видимо, при жизни человек обладал достаточной сильной волей, и сейчас изо всех сил сопротивлялся, не горя желанием говорить со мной. Плюс, накладывал отпечаток тот факт, что тело уже несколько дней провело в холодильниках. Чем больше проходит времени с момента смерти, тем дольше покойник, так сказать, раскачивается.

– *Как тебя зовут?*

– *Мак... сим. Сви... ридов.*

– *Ты знаешь своего убийцу?*

– *Я ви... дел. Но не зна... ю...*

– *Тогда у меня к тебе есть еще несколько вопросов...*

Глава 1

Крутя руль, отделанный тонкой бархатистой кожей, я пытался избавиться от легкого чувства тревоги, которое во мне пробудило общение с мертвым Свиридовым. Этот Максим Михайлович оказался птицей о-очень высокого полета. При жизни он был ни много, ни мало, а первым заместителем председателя Следственного Комитета Российской Федерации. Совершенно случайно, всего по одной оговорке покойника, я сумел понять, что он работал над каким-то невероятно важным делом, подробностей о котором я старался по максимуму избегать. Представляете, да? Первый зам председателя *лично* работает над делом. Моя интуиция просто истерически вопила о том, что вся эта ситуация пахнет крайне дурно. И оснований подвергать сомнению этот факт у меня не было ни малейших, так что я уже заранее решил, что более оказывать помощь следствию в этом деле не стану. Когда ты помогаешь полиции посадить очередного психопата или мокрушника от мира организованной преступности – это одно. Но когда дело начинает касаться таких щекотливых вопросов, где замешаны интересы тех, чьи слова и желания выше любых федеральных законов и кодексов, это совсем другое. Ваш покорный слуга Сергей Секирин, по сравнению с этими акулами, даже не малёк, а планктон, о котором никто даже и не вспомнит, если им закусят. В теории я это осознал сразу после предупреждения Галлиулина, когда он мне рассказывал про то, что я не представляю, **какие** люди в этом всем замешаны. Но должную весомость его предупреждение обрело только после разговора с трупом. Очень жаль, что так поздно, иначе бы я сразу отказался принимать в этом деле участие.

И вот теперь заместитель председателя СК мертв, расстрелян в своем автомобиле среди бела дня на задворках центрального района Москвы. Дело достается Управлению по раскрытию социально-значимых преступлений и сопровождению резонансных уголовных дел, которые не придумывают ничего умнее, чем привлечь в помощь одного известного и одиозного медиума, то есть, меня. Какие выводы сделают из этого те, кто умеют слушать и слышать? О чем должны подумать заказчики убийства? Особенно после стольких лет, в течение которых я оказывал услуги спиритического характера московской элите.

Хоть никто не в курсе истинных пределов моих возможностей, да и я умело укутывал свою фигуру ворохом выдуманных правил и условностей, но этого вполне достаточно, чтобы захотеть воспрепятствовать нашему с МВД сотрудничеству. А если вспомнить с сотрудничества с МВД моя карьера, собственно говоря, и начиналась, то... ох, даже боюсь развивать мысль дальше. Надеюсь, эта история не обернется для моей тушки большими проблемами. А то был у меня уже опыт конфронтации с «хозяевами жизни», повторения этого мне совсем не хочется. Так что обжегшись раз на молоке, теперь не устаю дуть и на воду.

Чувствуя, что с каждой минутой я накручиваю себя все больше и больше, решаю немного выпустить пар. Для этих целей, как по мне, лучше всего подходит хороший такой спарринг, до гудящих кулаков и разбитых в картошку носов.

Окончательно приняв решение, я развернул автомобиль и прибавил газу. Путь до моего любимого спортивного клуба был неблизкий, но пока на дорогах спало обеденное оживление, можно вполне успеть добраться и за час.

***

После прибытия в спортклуб смешанных единоборств с простым и немного пафосным названием «Воин», я подошел к стойке администратора. Там сидела миловидная темноволосая девушка, вряд ли старше двадцати лет, которую я раньше здесь не видел. Новенькая, наверное.

– Здравствуйте, – поздоровался я с ней. – Будьте добры, ключик на второй этаж.

Брюнетка подняла голову и улыбнулась натянутой дежурной улыбкой:

– Добрый день! К сожалению, второй этаж предназначен только для VIP посетителей. Чтобы иметь возможность туда попасть, вам необходимо приобрести рубиновую карту нашего клуба. Но, как вы понимаете, их у нас строго ограниченное количество, всего пятьдесят, и свободных в настоящее время просто нет. Могу предложить вам только занятие в зале на первом этаже.

Наманикюрная ручка положила передо мной ключ с черным ярлычком от общей раздевалки. Ну точно, новенькая!

Не желая идти в общий зал, я полез за портмоне, в котором лежала карта премиального членства. Я-то уж привык, что меня все местные в лицо знают, уже даже и не вспомню, когда последний раз на свет божий этот абонемент извлекал.

Как только я продемонстрировал пластиковый прямоугольник тёмно-красного цвета с номером восемь, уголки губ девушки заметно опустились вниз, отчего улыбка стала больше напоминать оскал. Примерно секунду от нее исходила натуральная паника, но она быстро сумела взять себя в руки. Мне даже показалось, у нее слегка задергался левый глаз. Пропищав что-то похожее на: «Извините», брюнетка нырнула под стойку и выложила нужный ключ.

Благодарно кивнув, я отправился на второй этаж, особо не задумываясь о причинах такой странной реакции.

Переодевшись в спортивную форму, я прошел в непосредственно сам зал. Сегодня было как-то многолюдно для VIP-а, не смотря даже на то, что сейчас середина рабочего дня. В просторном помещении находилось, пожалуй, человек тридцать, а то и все сорок. Все четыре ринга были заняты, а из боксерских мешков и настенных подушек свободными оставались всего несколько снарядов.

Хорошенько размявшись, я намотал бинты и принялся за отработку ударов на тяжелой груше. Но не успел я отстоять и трех раундов, как мои занятия прервало появление управляющего клуба на пару с местной легендой – Алмазом Чеховым. Говорят, Алмаз был трехкратным чемпионом России по вольной борьбе и двукратным по боевому самбо. Авторитетный, в общем, человек среди здешней публики, занимающий, к тому же, пост старшего тренера.

– Сергей Анатольевич, здравствуйте! – Управляющий был высоким, наголо выбритым и очень атлетично сложенным мужчиной средних лет. За колоритную внешность завсегдатаи прозвали его в шутку Мистер Проппер, на что тот вовсе не обижался. Ну или, по крайней мере, не спешил обиду демонстрировать.

– Здравствуй, Валера! Алмаз. – Я пожал им обоим руки. – Чем обязан?

– Сергей Анатольевич, Вы уж извините, что отрываем от занятий, но я бы хотел извиниться за инцидент, который произошел сейчас на ресепшене. Понимаете, Алина у нас девочка новенькая, еще и недели не отработала, поэтому, всех постоянных посетителей в лицо еще не знает. Вы уж на нее сильно не...

– Стоп-стоп-стоп! – Замахал я руками. – О каком инциденте вообще речь? Что я пропустил?

Украдкой бросив взгляд на Алмаза, будто ища у того подсказки, управляющий неуверенно пробормотал:

– Ну-у-у... вы когда пришли, наш администратор вас не узнала, я ж говорю, девочка новая...

– Это все из-за того, что у меня абонемент спросили на входе? Серьезно? Валера, не надо из мухи слона раздувать. Вообще не вижу проблемы в этом, так что расслабься.

– Ох, Сергей... – Управляющий клуба облегченно выдохнул, перейдя к менее формальному стилю общения. – Если б все посетители были такие понимающие, я бы и не напрягался.

– А что, часто истерики закатывают, если их не узнают в лицо? – Хохотнул я.

– Да не то слово! – Валерий не поддержал моего веселья, оставшись крайне серьезным. – С полчаса назад один посетитель целую сцену устроил, из-за того что ему карту достать при-

шлось. Так что теперь я лучше лишний раз перестраховуюсь, чем на меня потом будут владельцу жаловаться. Мелочь, конечно, но ты знаешь политику нашего клуба. Клиент всегда прав. И если этот клиент хочет, чтобы его узнавали в лицо, значит, так и должно быть.

Ах, вот оно что! Вот почему брюнетка так распереживалась. Видимо, побоялась, что я тоже обладатель тонкой душевной организации и жутко оскорблюсь на подобную «неучтивость».

Перекинувшись еще парой дежурных фраз, заверив, что никаких претензий не имею, я распроцался с Мистером Проппером. Пожелав мне продуктивной тренировки, управляющий поспешил откланяться. А я обратился к Алмазу:

– Слушай, Чех, – От этого обращения Чехоев полыхнул раздражением в эмоциональном фоне, но внешне никак это не проявил. Не нравилось ему это прозвище, но я намеренно над ним подтрунивал. Горячая южная кровь очень легко закипала в этом человеке, отчего на ринге он превращался в настоящего Шайтана. Так что мне периодически приходилось поддерживать в нем градус раздражения, чтобы сделать спарринги с ним более увлекательными. – А что, говорите, за крендель такой сегодня устроил скандал?

– Да, есть тут один... – Алмаз говорил с характерным кавказским акцентом. – Неприятный тип, поганый какой-то.

– Давно к вам ходит? – Чехоев от своих обязанностей старшего тренера не отлынивал, так что знал не только всех VIP-клиентов клуба, но даже большинство завсегдаев с простых групповых занятий.

– Полгода где-то.

– Новичок что ли? А почему в VIP-е?

По негласному правилу в этот зал приходили уже опытные спортсмены и любители, которым не требовалась ничья опека или присмотр. Каждый прекрасно знал и сам, чем и как он должен заниматься.

– Если только в нашем клубе. А так, явно не новичок. Двигается неплохо, хоть и толстый.

Окинув спортзал взглядом, я заметил здоровенного амбала, весом сильно за сотню, который очень ловко скакал вокруг стокилограммовой груши, заставляя ее своими могучими ударами мотыляться, словно веревку на ветру. Несмотря на выдающийся вес и плотную комплекцию, проблем с дыхалкой этот здоровяк явно не испытывал. Сложно было поверить, что он начал тренировку больше получаса назад. Да и толстым я бы эту гору мяса на назвал...

– Вон тот, что ли? В красных «боксерках»? – Спросил я Алмаза, кивнув в сторону огромного детины.

Дождавшись утвердительного кивка немного задумался. Смогу ли я эту образину вообще уложить? По боксерским правилам – сомневаюсь. А по смешанным? А, к черту! В конце концов, я затем сюда и приехал, чтобы развеяться. А ничто не поможет справиться с этой задачей лучше, чем безнадежный спарринг, даже без тени шанса на победу.

– Организуешь мне с ним пару раундов?

Алмаз окинул мою фигуру скептическим взглядом, но от комментариев воздержался. Хоть со стороны я и производил впечатление человека, которому спорт совсем не чужд – черный рашгард обтягивал мой рельефный торс, подчеркивая хищным рисунком и без того хорошо очерченные мышцы, однако и крепким орешком я не выглядел. А уж в сравнении с этим субчиком, который габаритами походил на вставшего на задние копыта быка, так и вообще смотрелся откровенно бледно.

– Ты что, Серый, опять с олигархом каким-то крепко поспорил?

Вот же Чех! И ведь запомнил же... В прошлом году роман с одной красавицей обернулся для меня натуральной травлей, которую устроил для бедного медиума излишне опекающий дочуру папаша-миллиардер. Нервов он мне попортил тогда изрядно, хотя, слава богу, обошлось и без необратимых для меня и моего бизнеса последствий.

В это время я тоже частенько приезжал устраивать безнадежные зарубы с местными чемпионами, дабы сбросить бурлящее напряжение. Особых намерений скрывать причину своего мрачного настроения и столь частых визитов у меня не было, так что Алмаз и еще пара ребят, с которыми мы плотнее всего работали в ринге, были в курсе.

Посмотрев Чехоеву прямо в глаза, я ответил без тени улыбки:

– Пока еще ничего не случилось, Алмаз, но вполне может, так что мне срочно нужно с кем-нибудь помахать.

В ответ Чех лишь серьезно кивнул. Никаких попыток разузнать побольше он не стал предпринимать. Все-таки, мы с ним были не в настолько близких отношениях, чтоб друг другу в дела и души лезть. А уж что-что, а дистанцию он держать умел, что в спарринге, что в жизни.

– Могу только ринг тебе освободить. А с этим, – кивок головы в сторону амбала, – сам договоришься.

Но договариваться и не потребовалось. Пока мы общались с Чехоевым, здоровяк безостановочно работал по классической советской схеме, которую называли еще челночной. Он совершал подскок вперед, успевал нанести короткую серию быстрых и мощных ударов и сразу же отпрыгивал назад, чтобы следующим прыжком снова отправить качающуюся грушу в короткий полет своими пудовыми кулаками. Но как только заметил наши взгляды, направленные в его сторону, тут же прекратил тренировку.

– Чё интересного увидели, а?! – Закричал он нам через половину зала. – Херли вылупились?!

М-да, а типчик-то явно неуравновешенный. Я ж хотел спокойно подойти, вежливо предложить провести товарищеское соревнование, а этот гражданин уже как-то неспортивно себя ведет. Я бы даже сказал, что поведение его больше смахивает на отморозка из подворотни. И кто, интересно, такого неадекватата взялся тренировать вообще? Или он был нормальным, а в процессе обучения немного повернулся? Впрочем, чего гадать-то...

Алмаз демонстративно самоустранился, дернув бровями, мол: «Дерзай, хотел биться – бейся», отправился освобождать нам поле для, теперь уже, несомненно, грядущей схватки.

– А в чем у тебя проблемы?

Казалось бы, ну задал я сей безобидный вопрос, что здесь такого? Но здоровяка аж подбросило.

– Проблемы?! – Заорал он выпучив мгновенно налившимся кровью глаза. – Я тебе сейчас такие проблемы покажу, зубы выплюнешь, усёк, щегол?!

Я вполне осознавал, что вопрос этот был абсолютно риторическим, и шестое чувство мне подсказывало, что попытайся я ответить на него, бойня вполне может начаться прямо тут, посреди снарядов. Даже до ринга не дойдем. Но как я мог отказать себе в удовольствии немного поддразнить этого психованного?

– Проблемы? Ты мне?! – Я изобразил самую скептическую мину, на какую был только способен. Будто говорю не с бугаем ростом под два метра, а с новенькой девочкой Алиной с ресепшена. – Может, выйдем на ринг и проверим, кто и кому их сможет показать?

Ну вот, перчатка брошена. Теперь вряд ли у него получится отвертеться от спарринга со мной.

Вспышка гнева, которая полыхнула в эмоциях амбала была едва ли не осязаемой. Без шуток, я почувствовал ее даже на таком расстоянии. Мне кажется, ее ощутили даже обычные люди, которые тренировались возле этого крикуна. Кстати, об обычных людях. Несмотря на то, что контингент тут подобрался не из новичков в мире единоборств, каждый второй имел разряды или даже титулы, но во время нашего короткого разговора абсолютное большинство старательно делали вид, что ничего не замечают. И если на меня еще украдкой кидали взгляды, то в сторону здоровяка даже боялись посмотреть, чтобы лишний раз не спровоцировать его

на агрессию. Нашлось всего несколько человек, кто без стеснения и страха наблюдал за дальнейшим развитием событий.

– Ты чё, мудила, попутал...

Не став дослушивать без сомнения оскорбительную фразу, я просто развернулся и зашагал к рингу, который Алмаз уже освободил по моей просьбе.

Для людей, подобных этому кабану, нет ничего оскорбительней, чем пренебрежение к их персоне. Им, привыкшим считать себя пупом земли, даже помыслить трудно, что кто-то может с ними обойтись столь непочтительно. Так что, даже не оборачиваясь, я ощущал полный ненависти взгляд, направленный мне между лопаток. Уже нырнув под канаты и выйдя на ринг, я с вызовом посмотрел на своего потенциального спарринг-партнера, который несколько потерялся от моего маневра. Очевидно, что серьезного соперника во мне он не видел, поэтому не понимал, по какой такой причине я с упорством камикадзе рвусь с ним сразиться. Так что сейчас он сверлил меня подозрительным взглядом из-под опущенных бровей.

– Ты что, струхнул, как до дела дошло? А как же обещанные проблемы? – Подтолкнул я его к более решительным действиям, чем вызвал пару коротких смешков от посетителей.

Услышав чуть ли не обвинение в трусости, мужик так стремительно сорвался с места, что я уж решил, будто он кинется на меня сходу, но тут между нами, словно чертик из табакерки, выскочил Чехоев, взяв на себя функции рефери.

– Три раунда по три минуты, достаточно? – Спросил он, на что я лишь безразлично пожал плечами, а бугай, поигрывая желваками, процедил: «Вполне!»

Клацнув кнопками таймера, Алмаз сделал два шага назад и махнул рукой.

Как только путь стал свободен, мой оппонент ломанулся в мою сторону со скоростью бешеного носорога. Несмотря на все свои габариты, двигался он легко и быстро, заставляя меня выкладываться с самых первых секунд.

Заранее это не обговаривалось, но спарринг как-то сам собой пошел по правилам бокса.

Нырнув под джеб левой и уклонившись от последовавшего сразу за ним хука с правой, я нанес пару пробных ударов по локтям, прикрывающим корпус, проверяя противника на прочность. Ощущения были такие, будто я пытался пробить стену. Уж что-что, а защиту этот бугай держать умел. В ответ мне чуть не прилетел размашистый богатырский свинг, выполненный правой рукой, который мог бы мне не просто потушить свет, а, пожалуй, на полном серьезе отправить в кому. Разорвав дистанцию, я стал прикидывать, а смогу ли вообще пробить этого кабана? Защищаться здоровяк умел хорошо, и реакцию имел если не кошачью, то очень близко к этому. Так что подловить его без моих некромантских фокусов было полностью безнадежной затеей.

Мой соперник, тем временем, продолжал наступать. В отличие от той манеры, в какой он работал на снарядах, сейчас он твердо стоял на ногах, делая экономные подшаги, пытаясь загнать меня в угол. Я отвечал короткими контратаками, предпочитая уворачиваться от ответных ударов, и даже в мыслях не имея принять хоть один из них на жесткий блок. Все-таки, разница в весе у нас колоссальная, килограмм тридцать, если не сорок. Опрокинуть на канвас он меня сможет так же легко, как ребенок разрушит тычком пальца картонный домик, и не спасут меня никакие блоки. Это я понимал отчетливо.

Но вот я увидел прекрасный для себя шанс – соперник опрометчиво открыл свой правый бок. Удар по печени, если кто не знает, вещь очень болезненная. Слабо подготовленного человека спазм от такого попадания гарантированно выведет из боевого настроения на пару минут. Подготовленного же лишь заставит уйти в глухую оборону, пока не вернется способность дышать. А для меня та боль, которую причиняет противнику пощеченная печеночка, и является самым надежным залогом победы в любом даже самом безнадежном бою.

Расплывшись в хищной улыбке, я, словно ястреб на полевку, кинулся к открывшейся бреши в защите соперника. И почти тут же поплатился за самонадеянность, получив по голове.

Как вы поняли, это была простая уловка, на которую я купился, словно папуас на бусы. Не самый тяжелый удар, сделанный на отходе, да еще и пришедшийся вскользь, заметно так меня покачул. Изображение в глазах опасно задрожало, но уже в следующую секунду нормализовалось. Нормализовалось, чтобы продемонстрировать мне летящую прямо в переносицу перчатку.

Собравшиеся вокруг ринга возбужденно загудели, выражая мне сочувствие. Судя по всему, меня уже заочно похоронили.

Напрягая каждую мышцу в своем теле, каждую жилку, я пытался уйти с линии атаки, попутно вскидывая правую руку, чтобы сбить направление удара здоровяка. Это удалось лишь частично, снова мою голову задело по касательной, и на этот раз даже сильнее. Пол дернулся и как будто бы даже наклонился, как палуба катера на волне. Из последних сил я сделал рывок назад, разрывая дистанцию, чтобы выгадать хотя бы пару секунд на то, чтобы прийти в себя, однако соперник мне их давать не собирался. Он метнулся за мной, выбрасывая свои пудовые кулаки, будто ядра из пушки. Бугай прекрасно осознавал свою силу, и он даже не пытался попасть мне в корпус. Он метил исключительно в голову, желая окончить этот бой показательно жестко. Он уже, похоже, праздновал победу, так что немного расслабился и даже не успел удивиться, когда мой жесткий удар, нанесенный вразрез с дальней руки, попал ему точно в мясистый нос.

Под перчаткой хрустнуло, а по воздуху разлились миазмы боли. Совсем слабые, поскольку притупленное выбросами адреналина восприятие моего соперника сильно глушило их глушило, но, тем не менее, не могло подавить полностью. А нет для некроманта эмоций прекраснее, чем чужие боль и страх.

Не успел я вернуть руку, которой бил, как почувствовал опускающуюся на каждую клетку моего тела тяжесть. Тяжесть загустевшего воздуха. Появилось ощущение, будто я окунулся под воду. Движения моего противника замедлились, как в слоу-мошн съемке, и теперь он стал для меня не опаснее боксерской груши.

***

Алина, закончив заполнять журнал по технике безопасности, посмотрела на часы. До конца рабочего дня было так же далеко, как от дачи ее родителей до Мадагаскара. Боже, как же долго. Если бы не глупый запрет владельца клуба на использование мобильных телефонов на рабочем месте, это время пролетело б не в пример более интересней. А так, придется страдать, провожая каждый круг секундной стрелки тоскливым взглядом. Народу сегодня было не густо, одни VIP-ы, небольшая юношеская группа, да с десятков новичков в тренажерном зале. Вот и все.

Сопутствующие товары никто не приобретал, за консультациями не обращался, абонементы не оформлял... скука смертная, одним словом. Да еще и козлина этот всю душу вымотал. Видите ли, оскорбился дяденька, что его тут в лицо не знают. Нашелся царёк мытищинского пошиба! На целый день настроение испортил своим выступлением...

Разозленная и расстроенная полученной от управляющего выволочкой за скандального клиента, Алина взяла пульт от большого телевизора, который висел напротив стойки. Увеличив изображение с камеры наблюдения VIP-зала, она стала рассматривать всех, кто в данный момент там занимался. Попадать в подобную ситуацию она больше не хотела, поэтому, старалась запомнить как можно большее количество посетителей. Этого верзилу, который на нее сегодня выверился, она уже и так не скоро забудет. И этого второго парня, который тоже оказался VIP-посетителем, но в отличие от толстяка не придавший произошедшей с ним заминке никакого значения. Алина, конечно, знатно перетрусилась, поэтому сразу позвонила управляющему и покаялась, что снова опростоволосилась с клиентом. Валерий пулей побежал в бойцовский зал, на ходу грозя девушке кулаком, но в этот раз, слава богу, все обошлось. Парень оказался понимающим и неконфликтным.

Так, за разглядыванием посетителей, девушка даже и не заметила, как знакомая ей парочка переместилась на ринг. Спихватилась она только тогда, когда обнаружила, что они уже стоят друг напротив друга, а в углу замер Алмаз с таймером. На это зрелище собралось посмотреть большое количество народу, человек, наверное, пятнадцать. Остальные же, кто не стал подходить, наблюдали издали, пытаясь делать вид, что продолжают тренироваться.

И вот здоровяк ринулся на своего противника, и Алина уже мысленно посочувствовала парню. Даже такому далекому от единоборств человеку как она было очевидно, что выстоять под напором этого гиганта просто нереально для оппонента такой комплекции. Хотя, если честно, сложен был второй боец весьма спортивно и мужественно...

Незаметно для себя, Алина начала болеть именно за него, закусив в напряженном ожидании губу.

Однако бой не закончился в считанные секунды, как опасалась девушка. Тот второй, которого брюнетка окрестила про себя «Нормальный», играючи увернулся от направленных в него ударов и даже нанес несколько в ответ. Он двигался быстро и проворно, словно охотящийся мангуст. Его же противник хоть и не был столь грациозен, но руки выбрасывал с ненамного меньшей скоростью и вполне успешно теснил своего оппонента.

И вот, «Нормальный» проворно кинулся на верзилу, но его стремительный выпад был остановлен увесистым удар в голову. Отскочив назад и пропустив еще одну атаку, парень начал отступать к канатам. Алине даже показалось, что он слегка зашатался. Почувствовав слабину, недавний скандалист ринулся следом, пытаясь достать противника, но просто каким-то необъяснимым чудом не мог попасть по нему ни единого раза.

Сжимая кулачки, Алина даже не заметила, что задержала дыхание, и вдруг ситуация на ринге в одно мгновение изменилась. Парень, которого теснили к канатам, неожиданно резко выбросил руку, попав наступающему на него громиле куда-то в лицо. Последний даже не пошатнулся, но после первого последовал и второй удар, снова угодивший по массивной физиономии. Он был нанесен так быстро, что бугай не успел не то что среагировать на угрозу, а даже просто увидеть ее.

Теперь уже здоровяк вынужден был отступать от взорвавшегося молниеносными атаками соперника. Каждая попытка контратаковать наказывалась незамедлительно. Руки незнакомца мелькали с такой скоростью, что камера не всегда успевала фиксировать момент удара. Казалось, будто парень просто делает обманное движение, но так и не переходит в атаку. И только по отшатывающемуся от очередного попадания бугаю можно было понять, что на самом деле достается тому очень неслабо.

Наконец от очередной оплеухи огромный противник закачался и припал на одно колено, ошалело мотая головой. Тут же между боксерами вклинился Алмаз, хотя попыток добить поверженного парень не собирался предпринимать. Он просто стоял с каким-то неестественно спокойным видом и отстраненно рассматривал своего соперника.

Ну надо же! Алина даже и предположить не могла, что этот парень одержит победу. Слишком уж неудачно начался для него бой. А вот, погляди ж ты, сумел! Да-а... такой бокс смотреть было действительно приятно, когда твоего недавнего обидчика хорошенько так отделевают! Ну, и кто теперь скажет, что кармы не существует?

***

Все еще находясь в разогнанном состоянии, нежась в приятных волнах чужой боли, я смотрел на медленно опускающегося на пол верзилу. Его трижды разбитый нос, отбитая печень и рассеченная скула легко прорывались даже сквозь адреналиновую плотину.

Закончить бой я хотел эффектным бэкфистом, но в состоянии ускорения у меня было достаточно времени для того, чтобы вспомнить, что в боксе разрешены удары только передней стороной перчатки. А раз уж мы негласно бились именно по его правилам, то и посадил я своего противника мощным прямым ударом с дальней руки в челюсть. Естественно, что бил

я не в полную силу. И даже не в половину, ведь суровая и непреклонная физика методом простейшего умножения массы на скорость дает такую мощь моим атакам, что человека насквозь можно пробить. С условием, конечно, что *мои* кости выдержат.

Кстати об этом. Похоже, надо пояснить, что впервые такое необычное воздействие чужой боли на свой организм я заметил еще в своей первой школьной драке. Так уж вышло, что вплоть до восьмого класса, я был тютей и размазней и не издевался надо мной только ленивый. Я испытал на себе все школьные «приколы», какие только может придумать богатая подростковая фантазия. Нужно ли уточнять, что мои сверстники обладали весьма специфичным чувством юмора, и их шуточки почти никогда не обходились без членовредительства и порчи моих вещей?

Но всему приходит конец, закончилось и это. Не знаю, почему вдруг я перестал испытывать страх перед своими школьными мучителями, может виной тому переходный возраст и растущий уровень тестостерона, а может просто меня довели некоего психологического предела, за которым остается лишь злость и желание поквитаться, но, в конечном итоге, это вылилось в жесткую драку один против троих. Именно тогда, сгорая от ненависти, чувствуя как мои противники прямо-таки лучатся самодовольством и упиваются превосходством надо мной, я нанес свой первый удар.

Внезапно мир вокруг меня замедлился. На самом-то деле, конечно, это я для него ускорился, но это, в целом, непринципиально. Принципиальным оказалась то, что я отделал лица всех троих обидчиков до состояния сырых котлет. Разбирательство было такое шумное и долгое, что даже в нашей местной газетёнке упомянули об этом раз или два. И если б не заступничество директора, мужика старой закалки, сурового, но справедливого, погнали б меня из той школы погаными тряпками. Он, не испугавшись истерик родителей школьных задир, один из которых, кстати, был партийным деятелем не из последних, прямо высказал им претензии за поведение их отпрысков. Припомнил все те случаи, скопившиеся за восемь школьных лет, когда пострадавшим был именно я. Припомнил все мои порванные куртки, порезанные рюкзаки, изрисованные учебники, брошенные в унитаз сумки со сменкой, наставленные мне фингалы и шишки... Каждый случай, когда в роли обидчиков были их ненаглядные чада. В общем, директор пообещал приложить все свои силы, но представить историю именно в том свете, в котором она и произошла, а не в том, в каком хотелось ее видеть группе родителей. Что не больной психопат отделал троих безобидных однокашников, а жертва многолетнего издевательства не выдержала и дала отпор. И как-то после этого все бурления сами собой сошли на нет.

Что же до меня, то за использование этих своих сверхскоростей я расплачивался долго и болезненно. После отпора, что я дал своим обидчикам, моя тушка валялась пластом почти неделю, не в силах даже пошевелить ногой или рукой. От непривычной нагрузки мышцы и связки получили такое количество травм и микроразрывов, что на первое после драки утро я потерял сознание от сильнейшей крепатуры, просто пытаюсь встать с постели.

Вот так мой первый удар стал тем катализатором, который открыл невиданные мне ранее возможности. Раньше я считал, что могу только «читать» чужие эмоции, но мой дар оказался куда более глубоким, чем я думал, так что, оклемавшись, я стал пытаться укреплять свое тело с помощью своеобразных тренировок. Сотни часов опытов, которые я ставил над самим собой и чертовыми крысами, непрестанно лезущими к нам на первый этаж из подвала, помогли мне расширить границы моих способностей. Боль, испытываемая проклятыми грызунами, сильно отличалась по «вкусу» и окрасу от человеческой и оказывала не столь глубокий и длительный эффект, но общий принцип был тем же. Длительные тренировки с ускоренным восприятием и сверхскоростями заметно укрепили мое тело. А потом, когда я стал упражняться уже с людьми на секции самбо, к выпускному классу мое телосложение обрело рельефность Брюса Ли, высушившись настолько, что могло быть наглядным пособием по поверхностной анатомии.

И вот теперь мне вдвойне удивительно было то, что стоящий сейчас на одном колене бугай, от моего прицельного попадания в челюсть, всего лишь впал в состояние сильного грогги, а не распластался звездой на канвасе. Такой крепкий вестибулярный аппарат в моем богатом опыте единоборств попадался впервые. Ему бы в космонавты или в летчики испытатели...

Медленно, словно по морскому дну, к нам двигался Алмаз. Он закрыл от меня здоровяка, хотя я не делал даже попыток двинуться в его сторону. То, что бой окончен, мне было и без него понятно. А беспочвенной жестокостью либо желанием самоутвердиться за счет поверженного я никогда не страдал.

Постепенно отстраняясь от чужой боли, я ощущал спадающее давление воздуха, слух возвращался в норму, а движения окружающего мира теряли нереалистичную плавность. Одновременно с этим, на меня навалился ворох чужих эмоций, в мешанине которых сложно было уловить что-то конкретное. Разве что удивление, поскольку оно явно преобладало среди прочих, и жгучее желание поквитаться, исходящую непосредственно от здоровяка. Собравшийся вокруг народ удивленно гомонил, возбужденно жестикулируя при обсуждении последних секунд нашего боя. Похоже, никто не ожидал такого исхода. Хотя, чего уж греха таить, я и сам до последнего не был уверен в своих силах, но ведь получилось же!

Пока я стоял и рассматривал своего поверженного противника, Чех склонился над ним и о чем-то того спрашивал, показывал пальцы и, в конечном итоге, отпустил с миром. Тот, не переставая хмуриться, двинулся к выходу, словно ледокол, рассекая жидкую толпу любопытствующих, собравшихся поглазеть на наш бой. Меня он преувеличенно демонстративно игнорировал, что показалось мне немного смешным и недостойным взрослого человека, но, естественно, никаких замечаний я делать ему не стал.

А вообще странно, я ожидал, что он сейчас начнет сыпать угрозами и оскорблениями, сулить мне жестокую расправу и объяснять: «Да ты хоть знаешь, кто я такой?!» Но ему хватило выдержки уйти спокойно, без закатывания очередной сцены.

Выбросив из головы своего недавнего соперника, я вернулся к тренировке. Еще немного поработал на снарядах, потом поспарринговал с теми немногочисленными желающими, которые нашлись после моей быстрой победы, да двинулся в раздевалку.

На стойке, сдавая ключ, перекинулся парой фраз с девушкой-администратором.

– Спасибо за визит! Приходите к нам еще! – Просияла она гораздо более искренней улыбкой, чем при моем приходе. – Извините еще раз, за то, что так вас встретила...

– Валерию я уже объяснил, что вся ситуация даже обсуждения не стоит, теперь могу сказать тоже самое вам, Алина. Даже не думайте переживать на этот счет.

Я хитро подмигнул брюнетке, слегка вогнав в краску. Первой ее реакцией было удивление, она даже почти раскрыла рот, наверняка собиралась спросить, откуда я знаю, как ее зовут, но потом в ее эмоциональном фоне отчего-то промелькнул оттенок легкого разочарования. Непроизвольно она поправила бейджик со своим именем на груди. Девушка явно еще не привыкла к ношению этого атрибута, характерного для любой сферы услуг.

– Ну... я еще хотела кое-что вам сказать... – теперь же она излучала сильное смущение, пытаюсь продолжить разговор, но не находя для этого нужных слов. – В общем, спасибо вам большое!

– Это еще за что? – Изобразил я удивление, хотя некоторые подозрения у меня уже появились, что это за отдельное спасибо, да еще и большое.

– Просто я просматривала камеры и случайно увидела, как вы на ринге деретесь с этим... здоровым таким. Хоть он тоже наш посетитель и так говорить нельзя, – брюнетка понизила голос до заговорщицкого шепота, – но он очень вредный человек.

– Мудак.

– Что?

– Перестаньте, мы же взрослые люди. Давайте не будем стесняться, а называть все своими именами. Вы явно хотели сказать, что этот ваш посетитель полный мудака.

– Хи-хи... ну, вообще-то да. Представляете, он так на меня кричал сегодня только из-за того, что я попросила показать карту клиента. Так что я очень рада, что для него посещение нашего клуба сегодня закончилось встречей с вами. Нет, вы не подумайте! Я не люблю злорадствовать, я просто...

Слушая щебетание Алины, я украдкой бросил взгляд на настенные часы. Конечно, я не был против того, чтобы пообщаться с милой представительницей прекрасного пола, но у меня еще были кое-какие планы на сегодняшний день. А я не привык откладывать дела из-за сиюминутных веяний.

– Алина, – я мягко прервал девушку, тронув ее за локоть, – извините, конечно, но мне нужно идти. Я бы с удовольствием пообщался с вами еще, но только в другое время.

Внешне она никак не позволила себе проявить огорчение, но от меня это невозможно было скрыть. Ее эмоции вмиг, как бы это сказать... посерели, что ли? Очень сложно пытаться передать словами то, что я ощущаю от людей. Конкретно сейчас я почувствовал, как на яркие разноцветные чувства будто накладывается темный фильтр. Как закрывающая на яркое солнышко туча, или как если бы на цветную картину внезапно налетел толстый слой пыли.

И хоть внешне я вовсе не урод, но редко когда мне доводится ощущать от женщин столь насыщенные положительные эмоции в мой адрес. Чаще всего в их глазах и душах горят расчет и алчность, ведь я считаюсь весьма обеспеченным человеком даже по меркам Москвы, а для меня, как эмбата, нет ничего противней лжи и лицемерия в свой адрес. Так что какими бы талантливыми актрисами эти женщины не были, утаить от меня свои истинные чувства у них не получается. Кстати, именно поэтому я и «докатился» тогда до романа с дочкой олигарха. По крайней мере, ее интерес ко мне был настоящим, не меркантильным. Как вы понимаете, в среде богатых людей очень мало красивых и обеспеченных женщин, которых буду интересовать именно я, а не мои активы. Как правило, большую часть времени меня окружают профессиональные «тюнингованные» бимбо, которые одним взглядом способны определять годовой доход мужчины и так же профессионально к нему присасываться.

Короче говоря, я не смог удержаться и не предложить Алине немного развить наше знакомство. Не столько из-за того, что пожалел ее, сколько потому, что мне хотелось снова насладиться ее теплом ее эмоций.

– И если вы не возражаете, – я не отпускал локоть девушки, чтобы не прерывать физический контакт, который был приятен нам обоим, – оставьте мне ваш номер, и я обязательно вам позвоню, когда разберусь с делами. Что скажете?

Девушка снова расцвела, причем не только внутренне, но и внешне, и я невольно улыбнулся сам.

Приняв от красавицы простой желтый стикер с десятью цифрами, я аккуратно сложил его пополам и убрал в портмоне, кивнув Алине на прощание.

Выйдя из спортивного клуба и сев за руль своей Ауди, я завел мотор и начал выезжать со стоянки. Но внезапно выезд мне преградил выкатившийся непонятно откуда здоровенный черный Гелендваген. Из салона выскочила целая грядка мордатых молодцев, предводительствовал в которой тот самый амбал, которого я час назад затащил на ринг.

Окружив мое авто, четверка ребят начала ломиться ко мне в салон, дергая за ручки дверей и стуча кулаками по стеклам.

М-да, а я-то наивно полагал, что времена, когда толпа мордovorотов могла напасть на человека посреди бела дня уже прошли. Ох, ну и наивный же я парень! Хорошо, что моя наивность с лихвой компенсируется нездоровой паранойей, так что у меня в каждой сусеке припрятаны так называемые спецсредства самообороны всех мастей и размеров – от электрошокеров,

самую малость превышающих мощностью те, которые разрешены для гражданского использования, до травматических пистолетов.

Спасибо за это чокнутому отцу Виктории. Тому самому олигарху, который за свою дочку мне все нервные клетки из башки выскреб. И благо если бы все препоны, которые он мне чинил, касались только бизнеса. Так ведь нет же. Захотел, паскуда, на больничную койку меня определить. Каких только кадров он ко мне не подсылал – от молодых спортсменов и каноничных пацанчиков с района, соблаздившихся легким, как им в начале казалось, заработком, до аттестованных вышибал, которые еле втискивали свои бицепсы в рукава пиджаков. Ни у кого из них, конечно, задуманное не удалось осуществить (в полной мере, во всяком случае), но, тем не менее, опыт был очень запоминающийся. Только недавно я перестал носить травмат за поясом и Тазер в носке. Но не думайте что я уверовал в свою безопасность и расслабился, просто указанные девайсы переехали в бардачок авто и под сиденье.

И вот сейчас был весьма подходящий случай, чтобы воспользоваться ими. Щелкнув кнопкой бардачка и нащупав ладонью приятную прохладу перфорированной прорезиненной рукояти, я вынул на свет божий простенький пятизарядный Taugus револьверного типа, заряженный распространенным девятимиллиметровым патроном с резиновой пулей.

Что ж, пора защищать свое имущество, а то, вон, один молоток наизготовку берет, а у заводилы справа на поясе топорщится что-то подозрительно похожее на кобуру с пистолетом. Не хочу, чтоб моя белоснежная Ласточка пострадала. Дорога она мне больно. И, кстати, зачинщика этого маленького беспредела нужно стрелять первым. А то мало ли, и правда ствол у него боевой под курткой окажется.

Страх перед превосходящими силами беспредельщиков я не испытывал, один лишь адреналиновый всплеск слегка потряхивал руки. Не самый лучший помощник в стрельбе, но и дистанция смешная, бить придется чуть ли не в упор, так что вряд ли мне это как-то помешает.

Взвездя курок, я резко толкнул дверь автомобиля и взял на мушку уже заранее выбранную цель. Из не самого удобного положения, будучи согнутым в три погибели (вы же представляете себе низкую посадку спортивного автомобиля?), я произвел выстрел прямо из салона. И, несмотря ни на что, попал точнехонько в грудину. Резиновый цилиндр пули вмазал с такой силой, что сумел даже порвать моему экс-партнеру по рингу его кожаную куртку.

Не успела погаснуть дульная вспышка, как меня захлестнуло настоящее цунами чужой боли, которое даже в сравнение не шло с тем, что я испытал на ринге. Словить гостинец из травмата на метровом расстоянии, это, знаете ли, охренеть, как неприятно. Для пострадавшего, разумеется. А для стоящего рядом некроманта наоборот – просто волшебное и непередаваемо.

Время для меня не просто замерло, оно практически остановилось. Воздух уплотнился до состояния густой патоки, звуки исчезли, а зрение приобрело небывалую четкость. Без особого напряжения я теперь мог разглядеть в мельчайших подробностях тканевый узор на фирменной ветровке молодчика, стоящего по другую сторону автомобиля, или даже сосчитать ресницы на его глазу.

Дальнейшая стрельба превратилась для меня в пальбу по стоячим мишеням. Единственное, что меня ограничивало, это крепость моих связок и механика оружия. Восприятие мое разогналось до таких высот, что я мог проводить взглядом каждую пулю, которую выплевывал мой револьвер. Описать словами это просто невозможно. Могу только сказать, что спецэффекты фильма «Матрица» даже близко не стояли с тем, что я испытываю в такие моменты.

Внимательно следя за прилагаемыми усилиями, чтобы не нанести себе ненароком травму, перебарывая небывало сильное сопротивление атмосферы, я терпеливо дожидался очередного удара бойка по капсюлю и поворота барабана, наставлял ствол на следующую цель и снова стрелял.

Расстреляв четыре патрона, я внимательно наблюдал за реакцией нападавших и ждал от них ответных действий. Двое с моей стороны, включая инициатора, лежали на земле, держась

за грудную клетку, третий все еще стоял на полусогнутых ногах, но тяжело опирался на капот моей машины, даже не пытаясь рыпнуться, а последний скорчился со стороны пассажирской двери, так что мне были видно только его поджатые колени.

Если бы не мой дар, то я, отвлекшись на еще стоявшего мужика, мог и упустить тот момент, когда главный заводила потянулся к кобуре. Ну а так, я без особого труда успел заметить движение его руки и метко выпустить последнюю пулю ему в тыльную сторону ладони.

Верно поняв такой недвусмысленный намек, разевая рот в неслышимом мне крике, верзила отдернул руку, зажимая пострадавшую конечность, и больше неверных движений не совершал.

Убедившись, что никто больше не пытается сделать что-нибудь такое, что могло бы повредить моему здоровью, я прикрыл глаза и сосредоточился. Мысленно я представил, как отталкиваю жгуты чужой боли, что вьются вокруг меня сплошным вихрем, отрываю их от себя и отбрасываю прочь. Глубокий вдох, и я, распахнув глаза, вынырнул из состояния боевого транса.

Все еще окружавшие меня болезненные флюиды ластились ко мне, словно голодные кошки, тянулись внутрь меня, обещая подарить невообразимые впечатления, ощущение могущества и превосходства. И я знал, что они не обманывают. Я был готов в любой момент поддаться на их уговоры и при малейшей опасности снова нырнуть в тот красочный мир, где я был настоящим сверхчеловеком.

Цвета вернулись в норму, потеряв насыщенность и четкость, а до слуха донеслись разноголосые стоны и ругань. По моим разогнанным ощущениям, прошло минуты четыре. А на самом же деле, вся разборка заняла не более пятнадцати секунд, из которых я отстрелялся, максимум, за две. Пожалуй, я теперь могу считать самой быстрой рукой на Диком Западе, хе-хе! И я говорю про стрельбу, а не о том, что вы подумали!

– ...дор паршивый! С-с-сука! – Донеслось до меня шипение распластанного по земле недавнего оппонента. – Я тебе отвечаю, тебя кончат! Ты, гондон, не знаешь, на кого залупнулся!

Его подельники стонали в три голоса, но в мой адрес предпочитали не отпускать никаких комментариев.

Неспешно, даже вальяжно, я подошел к скорчившемуся на земле бугаю и присел перед ним на корточки, выпуская немного своей Силы, которая поднимает мертвых и заставляет сесть живых. Глядя прямо в глаза испуганно замолкшему громиле, я сделал всего лишь одно короткое предупреждение:

– Если ты еще раз в мою сторону дернешься, то все закончится для тебя гораздо хуже, чем сейчас. Ты понял?

Здоровяк всем своим видом попытался продемонстрировать, что понимания мы достигли в этом вопросе абсолютного. Мелко и часто кивая, он, кажется, даже забывал дышать.

Поднявшись и напоследок окинув взглядом наше небольшое поле боя, я крутанул на пальце травмат и уселся в машину. Хищно заурчал мощный мотор, и, объезжая оставленный посреди дороги «Гелик», я вырулил на шоссе.

Глава 2

Под мерный шорох покрышек, разбрызгивая редкие лужи, я вел Ауди по городским улицам, оставляя позади километр за километром. В это время МКАД был на удивление свободен, поэтому проблем с пробками я не испытывал.

Взяв с пассажирского сиденья банку «Колы», ловко отрыл ее одной рукой и лихо влил себя почти целиком, оставив плескаться на дне только пару-тройку глотков. Ух-х-х! Хорошо пошла! Аж слезу выбило!

После адреналиновой встряски на ринге, а потом еще более мощной на парковке, в голове полностью прояснилось, и я уже наметил кое-какие основные направления для своих дальнейших действий.

Сунув банку в подстаканник, встроенный рядом с коробкой передач, достал беспроводную гарнитуру. Набрал на телефоне номер своего адвоката, принялся ждать ответ.

После четырех гудков на том конце провода раздалось:

– Алло?

– Саныч, здоровеньки булы!

– Хо! Сережа, здоровий бачили! Что, опять от ревнивого отца бежишь, хочешь теперь совета от бывалого выслушать?

– Да, блин, – фыркнул я, – вы что сегодня, сговорились что ли? Будете мне эту историю до конца жизни припоминать?

– А как иначе-то? Конечно будем! Хе-хе. Ладно, Серёж, ты по делу, али просто поболтать?

– По делу, Саныч. У меня тут стычка только что произошла. На парковке четверых с травмата пострелял. Один молотком размахивал, а другой со стволом был, но это не точно. Сделал пять выстрелов, попал в каждого. Уже понял, к чему я клоню?

– Тю, Сережа, обижаешь! Как не понять? Сделаю все красиво, прям конфетка будет! Есть с чем работать?

– А то, как же! Наученный уже. Сегодня же на электронную почту тебе скину вместе со всеми подробностями. Ты уж сделай так, чтоб меня в отделение никто не таскал из-за этого, договорились?

– Конечно, даже не переживай на этот счет! Ведь як говаривает моя бабушка...

– Вторая линия, Саныч, отбой, не могу говорить!

С этими словами я сбросил вызов, не желая слушать очередную порцию болтовни Сан Саныча. Адвокат он, конечно, опытный и талантливый, но вот его любовь к пустословию и скабрзным шуткам – это что-то непостижимое. Ну просто за гранью добра и зла. А уж как начнет про бабушку свою небылицы плести, да еще половину слов украинскими заменит, так и вовсе застрелиться проще, чем его слушать.

В посвежевшей голове мысли выстраивались гораздо стройнее и последовательней, так что я мог вернуться к обмозговыванию своих еще не совсем явных, но уже вполне прогнозируемых проблем. В принципе, ничего страшного еще ведь не произошло, а я уже развел панику. Не думаю, что в ближайшее время придется менять что-то в своей жизни...

Но не успел я додумать эту мысль и окончательно себя успокоить, как раздался телефонный звонок. Или все же придется?

На экране смартфона высветился анонимный номер. Размышляя несколько секунд, все-таки сдался под напором своего любопытства и ответил.

– Да?

– Алло, здравствуйте. – В динамике раздался сухой строгий голос. – Сергей Анатольевич?

– Он самый.

– Секирин?

– Совершенно верно. Пожалуйста, не тяните время, мне неудобно разговаривать, я за рулем.

– Как скажете. Вас беспокоит капитан федеральной службы безопасности Андреев. Мне нужно с вами побеседовать лично. Где вы находитесь?

Мне сразу не понравился тон звонившего, он не задавал вопросов, он не выдвигал предложений, он просто говорил утвердительно. Он чеканил слова, вгоняя их, как гвозди в дерево, в уши собеседнику, да и вообще общался как человек, который осознавал свою власть и умел ей пользоваться. И, похоже, он привык, что все, кто попадает в его поле зрения, пытаются ему угодить. Но какого черта от меня понадобилось ФСБ?

– А по какому поводу разговор?

– Это мы с вами обсудим лично.

– Знаете что, капитан Андреев, – мне очень сильно захотелось нагрубить ему, однако я сдержал сей недостойный порыв, – я оставляю вам номер телефона моего адвоката, и вы, прежде всего, обсудите все с ним.

За секунду до того, как я нажал отбой, голос ФСБшника изменился до неузнаваемости. Из него пропали приказные нотки, а интонация изменилась на вполне нормальную и в некоторой степени даже дружелюбную.

– Пойдите, Сергей Анатольевич! Боюсь, вы меня неправильно поняли. Я хочу нанести вам неофициальный визит, просто пара вопросов, ничего такого, для чего может понадобиться присутствие адвоката, уверяю вас. Я могу подъехать в любое удобное вам место и время. Или, если желаете, вы можете заехать к нам сами.

Немного поколебавшись, я все-таки решил, что хуже не станет, если назову этому капитану место, куда сейчас направляюсь. Тем более что никакой особой тайны в этом нет, а бегать от службы безопасности гиблое дело, как по мне. Так что лучше разрешить все вопросы с ними сейчас, чтобы не ломать себе в дальнейшем голову.

– Нет уж, лучше давайте вы к нам. Подъезжайте к восемнадцати часам в хоспис «Надежда» на Калужской. Знаете такой?

– Найдем, – коротко ответили в трубке. – До встречи.

И связь прервалась.

Теперь меня до самого вечера будет мучить вопрос, что же им все-таки от меня понадобилось. Но ставлю свою Ауди против дырки от бублика, что этот звонок напрямую связан с моей шашкой в МВД. Больше просто неоткуда взяться подобному интересу к моей персоне. А если узнали одни, да еще и так скоро, шутка ли, прошло всего несколько часов, то узнают и другие. Я буду не я, если не перестрахуюсь и не подстелю себе соломки...

В этой ситуации, на самом деле, у меня не так много вариантов.

Если меня начнут искать те, кто захочет лишить полицию такого неудобного помощника, как я, то единственный вариант, который я вижу, это залечь на дно, чтоб себя обезопасить. Через некоторое время попытаюсь просочиться за границу, желательно туда, где вечное лето. А там, через пару месячишек, максимум, полгода, глядишь, и дело об убийстве заместителя самого главного следователя окончательно заглохнет, либо виновные найдутся. Хотя в последнее мне слабо верится. Все-таки Дамир мне дал очень ограниченный перечень вопросов, и, зная на них ответы, я даже в теории не мог предположить, чем они помогут следствию. А судя по тому, что меня втянули в это сверхсекретное дерьмо, то полиция уже сейчас в полном отчаянии. И это в самом начале расследования.

Поколебавшись несколько секунд, я-таки решил предпринять кое-какие меры безопасности уже сейчас. Не пригодятся, ну и бог с ними, деньги – пыль. Гораздо хуже будет, если они внезапно потребуются, а я буду к такому повороту не готов.

Не убирая далеко телефон, я набрал еще один номер и стал ждать гудков.

– Лунин у аппарата, – раздался в трубке низкий грубый голос.

– Здравствуй, Илья, Секирин беспокоит. Не отвлекаю?

– Сергей? По какому вопросу звонишь?

Вот так, ни «здравствуй», ни «как дела?» Все строго по делу.

– Помощь твоя будет нужна, по профилю. Нетелефонный разговор, подъезжай в «Надежду» как сможешь.

– Через полчаса буду.

И отключился. Нет, что ни говори, а Лунин дело свое знает. Ни одного лишнего вопроса, сказано, что разговор нетелефонный, значит, так оно и есть. Прям человек дела. Другого я от бывшего краповика и не ожидал, он свой необычный бизнес построил, в том числе, и на таком вот строгом подходе. Конечно, где-то в глубине души у меня тлела робкая надежда, что в жизни моей не настанет больше такого периода, когда я обращусь за его услугами, но, как говорится, лучше перебдеть, чем бднуть и обделаться. Тьфу ты, что за ерунда в голову лезет.

***

По пути в хоспис заехал в салон сотовой связи. После звонка ФСБ моя интуиция так настойчиво нашептывала о возможных неприятностях, что я не смог долго игнорировать ее нудёж. Поэтому я купил себе сразу несколько дешевых телефонов, на случай если придется их менять, а у лоточника через улицу взял целую пачку «левых» неактивированных сим-карт. Запас карман тянуть не будет в любом случае. Мало ли, вдруг я уже на крючке у Федеральной службы безопасности и все мои разговоры прослушиваются?

На подъездах к хоспису все-таки попал в пробку, так что к моменту моего прибытия Лунин уже ждал меня на первом этаже. Коротко поздоровавшись, я повел его в свою каморку, которую мне выделил здешний главврач. Помещение было совсем небольшое, метров десять квадратных, но располагалась аккуратно под реабилитационными палатами, где восстанавливались больные после химиотерапии.

Хоспис вообще являлся прекрасным местом для человека с даром, вроде моего. Пропитанные смертью, болью и отчаянием стены для меня были лучше любой крепости. Здесь я был если не всесилен, то близко к этому. И здесь же я частенько проводил так называемую «подзарядку».

Не знаю, по какой причине, но та Сила, которая позволяет мне поднимать мертвых, со временем таяла, даже если я ее не использовал. Как бы я не старался, какие бы эксперименты не проводил, но остановить этот отток у меня не получалось. Поэтому каждый месяц, а когда активно пользовался даром, то и того чаще, я приезжал в один из четырех московских хосписов, с главными врачами которых у меня была договоренность. Туда, где каждодневно кто-то умирал, страдал от боли или рыдал в отчаянии. Здесь я ходил по этажам и впитывал темный туман, невидимый никому, кроме меня, который и являлся тем, что я называю на джедайский манер Силой, хотя, ни по своей сути, ни по применению они совершенно не похожи.

Да, кто-то может сказать, что паразитировать таким образом на страданиях человеческих бесчестно, или даже подло – ну а что прикажете делать? Самому идти с ножом в ночные парки? Полагаете, это будет намного лучше? Вы просто не представляете, какая начинается ломка, когда запас Силы иссякает. Не знаю, что там испытывают героинщики без дозы, но, думается мне, их ощущения, помноженные на самое мощное похмелье распоследнего запойного алкоголика, будут лишь бледной тенью от того что испытываю я, будучи опустошенным. Понятия не имею, зачем я оправдываюсь. Наверное, потому что где-то в глубине души тоже не могу перестать считать себя аморальным типом, а не жертвой обстоятельств.

Да, иногда и такое накатывает, ничего не поделать. И ведь к психоаналитику с такой проблемой не подойдешь, приходится как-то самому справляться.

Так что не думайте, что этот дар доставляет мне одно удовольствие. Я с тоской вспоминаю те далекие годы, когда я еще не знал прикосновения Силы и не был привязан такими

хоть и длинными, но поводками к больницам. Однако жизнь играет свой собственный известной только ей сценарий. И когда мне было девятнадцать лет, в соседней комнате, прямо во сне, умерла моя мама. Тогда я сполна хлебнул этой черноты, и уже не смог от нее избавиться. Пытался, но так и не сумел.

Проходил день, бессонная ночь, полная метаний и бреда, еще один день, и лютая ломка гнала меня, как голод гонит падальщика на поиски мертвечины, на обход больниц и стационаров, в трусливой надежде, что там кто-нибудь недавно умер.

Противные крысы, что сильно досаждали тогда нашей семье, не могли восполнить своими смертями моего «голода» даже на минуту. Поэтому, чтобы как можно чаще находиться рядом с теми, кто вот-вот готовился перейти в лучший из миров, я на некоторое время устроился в самую крупную больницу города санитаром. Там редко какой день в реанимации или оперблоке обходился без смертей, так что темной некротической энергии, или что там она на самом деле из себя представляет, у меня теперь было в достатке.

Тогда я учился на втором курсе экономического факультета, и, можете поверить, не так просто было совмещать учебу и сменную работу в больнице, так что мне пришлось бросить институт. Тогда мой запас был куда меньше, либо расходовался гораздо быстрее, и подзарядка требовалась каждые несколько дней. Сейчас, слава всем святым, если вообще уместно их упоминание в этом контексте, я мог протянуть без подзарядки гораздо дольше.

Короче говоря, как бы избито и клишировано не звучала эта фраза, но мой дар действительно является и моим проклятьем. Но хватит об этом.

Дни, когда я таскал утки лишь бы иметь основания находиться в медицинских заведениях давно прошли. Теперь же с руководством хосписов у меня давно налажены отличные отношения, я ежегодно жертвовал на их счета шестизначные (реже семизначные) суммы в рублевом эквиваленте, и совсем не контролировал, на какие цели они расходовались. Не бог весть какие деньги, конечно, особенно по меркам Москвы, но и взамен от них я не просил ничего обременительного. В ответ мне всего лишь предоставляют на безвозмездной основе крохотные комнатухи, где я периодически провожу свои эксперименты и свободный доступ в здания. Вот так, все довольны, все при деле.

Пока мы с Луниным поднимались в мой скромный уголок, то не обмолвились по пути ни единым словом. Только когда за нами закрылась дверь импровизированной мини-лаборатории, он сходу взял быка за рога:

– Что требуется от меня?

Черт, почти восхищаюсь его стилем ведения дел!

– В общем, Илья, дело такое: мне требуется скрыться на некоторое время. Примерно на год, не думаю, что дольше. А еще нелишним будет ствол раздобыть для скрытого ношения.

– Ствол? – В словах Ильи впервые прозвучало удивление. – Ты что, воевать с кем-то собрался?

– Да мало ли, лучше перестраховюсь.

– Ну а стрелять-то ты из него умеешь?

– С травмата же стреляю, считай, одно и то же.

– Ну-ну, – бывший краповик неопределенно хмыкнул, – как скажешь. Вот только не выйдет ничего. Я по такому не работаю. И выходов на криминал не имею, а короткоствол тебе только там достать можно. Других легальных способов я не вижу. Разве что ты не соберешься устроишься в полицию, чтобы получить там табельное, но тогда не вижу смысла в этом разговоре...

Он ненадолго замолчал, и я буду не я, если он сейчас не предложит какой-нибудь выход. Ну не может Лунин без этого – сперва обломать, а потом предложить альтернативу. Несмотря на его скудную мимику, показательную серьезность и немногословность, внутри он был очень эмоциональным человеком. И сейчас он просто бурлил смесью предвкушения, воодушевления

и какой-то неопишуемой хитринкой. Уж от меня такое не скроешь. И точно, спустя полминуты молчания, когда я даже бровью не повел на его театральную паузу, он все-таки, слегка полыхнув огорчением, продолжил:

– Но если есть подходящие травмы, их можно переделать под стрельбу боевыми патронами.

– Ну, этого добра у меня хватает.

– Если русские, то новодел не пойдет, сразу говорю. Нужны старые, до две тысячи десяти года. Сейчас многое изменили в производстве, делают пистолеты из пластика и карбона. Такой развалится от пары выстрелов прямо у тебя в руках.

– Вот такой подойдет? – Я вынул из-за пояса свой Taugus, с которым не рискнул расставаться после происшествия на парковке спорт-клуба. По крайней мере, он точно был металлическим.

Взяв пистолет двумя пальцами, будто орудие преступления, Лунин повертел его, осматривая. Выщелкнул барабан, взглянул через ствол на свет и вернул мне.

– Пойдет. Если убрать рассекатель в стволе, то сможешь палить американскими триста восьмидесятыми «кортышами». Но их у нас сложно достать. Однако если чуть рихтануть рамку то влезет и унитарный «девять на восемнадцать». Об уголовной ответственности за такое баловство не предупреждаю, не маленький, сам должен все понимать.

– Понимаю, мог бы и не озвучивать. Но, как по мне, лучше на зону загреметь, чем на тот свет. Мне, знаешь ли, и по работе хватает общения с тамошним контингентом, на редкость скучные они там.

Лунин больше из вежливости улыбнулся одним уголком губ, как бы показывая, что о ремесле моем осведомлен, шутку понял, и вернулся к теме моего залегания на дно.

– Ясно. Созвонимся тогда позже. Дам контакты человека, кто возьмется за это. Сам не стану мараться, не обессудь. А теперь по первому вопросу. Особые пожелания есть?

– Есть, как не быть! – Открывая маленький холодильник в углу, я выудил из него банку Колы. – Надежные берлоги мне нужны, где меня искать никто не будет. Транспорт, само собой, и путь отхода из города на самый плохой случай. А лучше несколько путей на разные направления.

– Все так плохо? – Второй раз за время разговора в голосе Ильи прозвучало удивление.

– Пока не знаю, – я глубоко выдохнул, как перед питием водки, и припал к живительной газировке. Опустошив залпом почти целую банку, смахнул слезу. – Хотелось бы верить, что не очень.

– Что ж, тогда сегодня и начну. Не хотелось бы потерять такого клиента. Я неплохо подзаработал на твоих прошлогодних приключениях с олигархами.

– Да что все мне об этом напоминаете сегодня?

***

Солидный мужчина в невероятно дорогом костюме сидел в невероятно дорогом кожаном кресле. Затягиваясь невероятно дорогой сигарой, он пускал целые облака невероятно едкого дыма. Вообще, для любого представителя среднего класса в этом, с позволения сказать, кабинете, почти все показалось бы невероятным – панорамное окно с видом на краснопресненскую набережную, панели на стенах из темного дуба, инкрустированные тонкой резьбой, хрустальный графин с дорогим коньяком, который своим насыщенным цветом мог легко посоперничать с темнотой ночи. Шикарный белоснежный ковер на полу, чей ворс был мягче самого пушистого облака, монументальный резной стол, скомбинированный из четырех редчайших пород деревьев, произрастающих исключительно на других континентах, огромный аквариум с редкими тропическими рыбками, которые плавали в кристально чистой воде...

Если распродать весь интерьер этого помещения, то получится сумма, которая с легкостью потягается с годовым бюджетом маленького города. Потому человек, вальяжно и похотливо покуривающий здесь сигару, вызывал вполне здоровые опасения своими возможностями. Как минимум, у того, кто сейчас сидел перед ним, вцепившись, словно школьник на приеме стоматолога, в подлокотники выполненного под старину кресла.

Окажись здесь кто-нибудь посторонний, он, вероятно, мог посмеяться над здоровенным детиной, что боязливо ерзал на этом самом кресле, поскольку с его размерами, сей предмет мебели был ему явно маловат. Но это не казалось забавным мужчине в костюме, и уж тем более самому здоровяку.

– Так что, Боря, – голос хозяина кабинета, звучавший приятным бархатным баритоном, был обманчиво мягок, – расскажешь, что там у тебя за ЧЭПэ сегодня произошло?

– Да так, босс, ничего серьезного, просто небольшая стычка выш...

Глаза мужчины гневно сверкнули, дорогая сигара безжалостно смялась в руках, словно копеечная папироса, а его речь зарокотала нотами надвигающейся бури:

– Послушай меня, дружок! Когда четверых, слышишь?! **Четверых** моих людей прессует на улице какой-то проходимец, это, твою мать, очень даже серьезно!

– Уже стукнули, гниды... – раздосадовано пробормотал Борис, надеющийся до последнего утаить сегодняшнее происшествие на парковке спортзала.

– Чего ты там себе под нос бзднул?!

– Ничего босс. – Здоровяк глубоко вздохнул и, словно в омут бросаясь, выпалил на одном дыхании: – Сегодня нас как детей положил какой-то пижон из бабской пукалки.

Услышав четкий и емкий ответ, хозяин кабинета немного успокоился. Достав из ящика стола новую сигару, он принялся ее раскуривать, поглядывая на своего подчиненного. Выпустив густой клуб дыма, но так и не дождавшись продолжения, он поторопил гостя:

– Ну?! Я подробности из тебя выпытывать должен, или ты все-таки сам заговоришь?

Вжавшись в спинку кресла и до белых костяшек сдавливая подлокотники, словно перед ним уже разложили набор пыточных инструментов, некто Боря поспешил изложить всю историю с самого начала.

– Это... короче, я сегодня на трену поехал, «Бойня» на носу, готовиться же надо. Не бычил, никого не цеплял, спокойно вообще занимался...

– Ага, ты и не бычил. – Не удержался от комментария мужчина.

– Да серьезно говорю! – А потом чуть менее уверено, – Просто языками с одним гавриком зацепились...

– Ну вот, уже похоже на тебя. А то сказки мне тут баешь, не бычил он...

– В общем, слово за слово, меня этот хмырь на слабо взял и на ринг потащил.

– Хмырь что сделал? – Мужчине показалось, что он ослышался.

– Потащил на ринг...

Удивленный взгляд шефа красноречиво смерил фигуру, сидящую перед ним. Представить человека, который в добром здравии выйдет на ринг с таким гигантом, каким являлся Борис... честно, фантазия пасовала, пытаясь обрисовать этого богатыря.

– Он что, настолько здоровый был?

– Да я б не сказал. Он, конечно, как бы сказать... подкаченный, но не раздутый. Килограмм на восемьдесят туловище. Ростом где-то вот такой, – здоровяк приложил ладонь сантиметра на три ниже своего носа, подразумевая, что замер происходил в стоячем положении. – И морда смазливая такая.

Озадачившись еще больше, хозяин кабинета, тем не менее, кивнул подчиненному, чтоб тот продолжал рассказ.

– Ну и я подумал, что щас этого упыря укатаю в легкую. Вышли с ним, начали зарубаться. Тот вроде и умело прыгал, но я его сумел подловить. Пару раз втащил ему, но вскользь, верт-

лявый больно уж он. Уже подумал, что все, поплыл засранец, как тот мне сперва в табло засветил, а потом такую серию провел, что я вообще не понял, откуда плюхи прилетели. Я даже отрубился на полсекунды, оклемался уже на карачках...

От подобного рассказа градус удивления мужчины начал повышаться еще сильнее. Застыв с сигарой на полпути ко рту, он с трудом переваривал услышанное. Отрубился? Как такой шкет, восьмидесяти килограмм, мог свалить, без малого, кандидата в мастера спорта по боксу, который тяжелее чуть ли не в полтора раза?! Да хозяину кабента было известно как минимум о трех случаях, когда Борис получал в голову битой, но оставался на ногах. Да в «Бойне» два года назад об его башку человек колено повредил, а тут рукой, да еще и в перчатке?

– Повтори, что ты сказал?

– Говорю, вштал он мне лихо, как сопляку вчерашнему. Первая трехминутка не закончилась, а я уже выбыл. И удары у него такой тяжести, что котелок до сих пор гудит.

– Интересно-интересно... – мужчина в кожаном кресле потер подбородок. – Ну, а дальше чего? Наехать на него попытался?

– Ну, если честно, да... задела меня эта вся херня. И эти еще, стояли вокруг, глазели, как в цирке, мля, обсуждали че-то. В общем, фраернул я, походу. Вызвонил Бумера с пацанами и стал ждать на парковке.

– Эх, Боря... не умеешь ты проигрывать, совсем не умеешь. Учишь тебя, учишь, а ты все тем же беспредельщиком остаешься.

– Виноват, Игнат Альбертович, бес попутал...

– Берега ты попутал! Дальше давай излагай.

– Когда этот хер вывалился, я его сразу заметил. Он в тачку нафаршированную забрался, стал выезжать, и тут мы его перекрыли. На улицу выскочили, машину его окружили, ну и вроде как на джентльменский разговор стали его вызывать...

– Ой, Борис, – хозяин кабинета не удержался и хохотнул, – ты морду свою-то видел? Где ты, и где джентльменский разговор. Ты ж его хотел загасить там.

– Не, ну че сразу загасить? Просто чуток помять, не больше. Я же не отморозок какой, чтоб прям посреди улицы человека... того...

– Ага, а «помять», значит – мужчина выделил это слово интонацией, – посреди улицы это уже нормально? Ладно, не куксись. Что потом произошло?

– А потом он вылез из шушлайки своей, и без разговоров нам по резиновой пуле в фанеру пустил.

– Что, прям каждому?

– Каждому...

– А вы что, разини, укрыться даже и не попытались?

– Так не успели же. Он, как, мать его, Клинт Иствуд отстрелял, за пару секунд, наверное.

Я такое только в кино и видел...

– И не промахнулся?

– Сложно сказать... но вроде нет. Прицельно бил и быстро.

Тут Борис рефлекторно попытался спрятать правую руку, которой он словил вторую пулю. По его тыльной стороне ладони расплылась темно-фиолетовая гематома от попадания, в центре которой зияла сорванной кожей круглая рана.

Движение это не укрылось от босса.

– А с рукой что?

– Тоже он.

– С травмы?

– Ага...

– Почему именно в руку?

– Ну-у-у... так вышло, вроде как...

Игнат Альбертович не был дураком, так что «два» и «два» он складывать умел. В противном случае, он бы никогда не забрался на высоту своего нынешнего положения.

– Вышло, мля?! Ты что, сучара, ствол достать хотел?! Совсем борзота зашкаливать стала, мудила?!!

Весь напускной лоск этого степенного господина улетучился вмиг, растворившись, как снежинка в кипятке. Под ним, как у позолоченного лезвия стилета, под блестящим покрытием показался хищный стальной блеск. Вместо солидного мужчины перед Борей оказался разъяренный и жестокий авторитет. Тот, кто на исходе второго тысячелетия десятками отправлял врагов и конкурентов на тот свет. Тот, кто подмял под себя немалую долю криминального рынка столицы, и кто без особого труда удерживал свои позиции, давя, как нахальных клопов, всех тех выскочек, кто имел неосторожность хоть каким-то, даже максимально незначительным, образом задеть его интересы. Тот, кто заработал свое прозвище не только из-за созвучности фамилии, но и за беспринципную жестокость. И гнев этого человека сейчас был обращен на его опростоволосившегося подчиненного.

– Игнат Альбре... Арьбл... Альбертович, – верзила побледнел так, что рядом с ним даже снежно-белый ковер стал казаться слегка сероватым, – богом клянусь, палить не собирался!

Для пущей убедительности перепуганный Борис даже перекрестился, хотя не был ни верующим, ни крещеным.

– А нахера светануть вольной хотел?! Ты что, фраер какой-то конченный, твою мать?!

– Да я... – под жестким напором своего босса Боря терялся и мямлил. С трудом собираясь с мыслями, он пытался пояснить свои действия, – Я просто хотел осадить его маленько, показать, что и мы пальнуть можем, в случае чего...

– Я-то думал, что ты борзый, а ты, оказывается, просто тупой, Борис. – Голос Игната Альбертовича так же внезапно потеплел, став обманчиво ласковым, будто он разговаривал с собакой, или наивным ребенком. – А мыслей в твою голову пустую никаких не закралось после всего этого?

– Как... каких мыслей?

Борис немного расслабился и даже румянец снова подкрасил его обескровленное лицо.

– А ты не подумал, дружок, что это мог быть чей-то Козырь?

На лице подчиненного отразился тяжелый мыслительный процесс. Козырями они между собой называли элитных бойцов у братьвы. Тех, кто подобно вовремя брошенному на игровой стол тузу, мог переломить ход любой драки или перестрелки. Таких людей знали в лицо и старались избегать, а уж тем более не задевать без крайней на то необходимости.

– Что, Боречка, не догоняешь?

– Не совсем, Игнат Альбертович... почему вы так решили?

– Ты головушкой-то своей подумай, или она у тебя только для того чтоб удар держать? Какой-то ферзь сначала укладывает тебя на ринге, о чем это говорит? Не морщи рожу, я тебе подскажу. Это говорит о том, уровень подготовки его куда выше твоей. Настолько, что твоя весовая категория и спортивные разряды для него, что слону дробина. А затем он пострелял вас, как спящих глухарей на ветке, еще и играючи тебе ручку отстрелил шаловливую, когда ты ей в штанишки потянулся...

– Да не в штаны... ствол на поясе висел...

– Рот закрой! – Игнат Альбертович цербером рявкнул на вдруг осмелевшего подчиненного. – Так вот. За сколько, ты говоришь, он отстрелялся? За пару секунд? Бреешь же, собака. Вы наверняка, тормоза, шухернуться не успели вовремя, стояли хавальниками торговали, вот и по гостинцу словили.

Здоровяк вскинулся, было, чтобы оспорить эту возмутительную инсинуацию, но счел за благо промолчать, стушевавшись под грозным взглядом начальства.

– Это, – босс продолжал развивать мысль, – уже говорит нам, что и стрелок он перво-классный. Помнишь, в две тысячи пятом, когда мы зарамсились с тверскими в кабаке?

– Помню, забудешь тут...

– Да-а, знатная тогда перестрелка была. Еле ноги унесли... так вот, значит ты не забыл что такое перестрелка на сверхблизкой дистанции.

Боря передернул плечами, показывая, что воспоминания эти явно не из приятных.

– Скажи мне, Борис, выглядел ли твой незнакомец растерянным, паникующим или колеблющимся?

– Нет, босс. Я ж говорю, – Боря упорно стоял на своем, хотя и поглядывал на начальство с долей опаски, – за *пару секунд* всех пострелял, рука ни на мгновение у него не дрогнула.

– Во-о-от! – Игнат Альбертович назидательно поднял вверх сигару, забыв, что совсем недавно попрекал Бориса в том, что он врет относительно скорости «расправы» над ним и тремя торпедами. – Выходит, что опыт перестрелок он имеет такой, что спецназ позавидует. Причем, опыт специфический. Уж поверь мне, ни в каких органах ты такого не наберешься. Расстрелять почти в упор готовую к драке четверку – это не то, чему учат в академии МВД.

Теперь уже Боря основательно задумался.

– Вы хотите сказать, что я на какого-то универсального солдата наткнулся?

– Не знаю, не знаю. Все может быть. Тачку его рассмотрел?

– Ага... Ауди какая-то навороченная, не знаю названия модели. Три шестерки с иксами на номерах.

– Гляди-ка, не из суеверных парнишка. На консерватизм Золотой Десятки не похоже. Может, кто-то из залётных? Думаешь, кто-то раскопал для грядущей «Бойни» себе перспективного мальчика?

– Не знаю, Игнат Альбертович... мне он показался просто чепушилой.

Верзила старательно гнал от себя воспоминания той необъяснимой паники, что затопила его сознание, когда он взглянул этому странному типу в глаза. Борис никогда не считал себя трусом и другим не позволял. Поэтому эту деталь он просто опустил в своем рассказе.

– Просто чепушила, Боря, тупая твоя башка, за пару секунд четверых не расстреливает! Тебе задание на сегодня, собираешь всю вашу кодлу подстреленную, везешь их в нашу мясницкую. Там все вместе побои снимаете, а потом совместно с нашими юристами сочиняете красивую сказку. Прощупаем этого инкогнито легальными способами, посмотрим, кто у него за спиной маячит. Если никого серьезного, то и базар будет с ним иной, как тебе изначально и хотелось. Задачу понял?

– Понял, босс...

– Все, свободен.

Глава 3

Лунин, получив от меня четкое техническое задание, ушел, а я остался один в своей каморке. До визита ФСБшника еще оставалось полтора часа, однако вопрос: «Чем себя занять?» у меня не стоял.

Подкатив простой офисный стул к металлическому лабораторному столу, я уселся за него и закатал левый рукав рубашки до локтя. На моем предплечье красовалось множество шрамов всевозможных форм, размеров и степеней свежести – следы моих экспериментов. С самого детства, с той самой памятной школьной драки, когда я впервые ощутил эффект чужой боли, я пытался таким же образом покорить и свою. Однако, даже спустя три десятилетия, я ни на шаг не приблизился к решению этой задачи. Но попыток не бросал.

Чего вы удивились? Ну да, мне сорок пять лет, вообще-то! Да, знаю. Выгляжу я едва ли на тридцать. Но за это, я уверен, мне следует благодарить мой необычный дар. Хоть окружающие, кому известен мой возраст, и убеждены, что я активно пользуюсь услугами косметологов и пластических хирургов, но на самом деле, я даже кремами никакими не мажусь. Мне это просто не нужно.

Вообще, весь этот механизм с эмпатией и чужими страданиями, дающий мне нечеловеческие возможности, до сей поры остается для меня самой большой загадкой и предметом многолетних изысканий. Зачем это нужно некроманту – мне приходится только гадать. Некоторые гипотезы, основанные на фантастике и книжном фэнтези, я, конечно, давно построил. Самая правдоподобная заключается в том, что сама природа некромантии предписывает своему обладателю проводить кровавые ритуалы, в процессе которых жертва или жертвы умерщвляются максимально болезненным способом. Боль ускоряет восприятие, чтобы за кратчайший промежуток времени прочесть большее количество... не знаю, может заклинаний, может еще чего, или совершить больше ритуальных действий, а страх и отчаяние умножают это состояние многократно.

Звучит, конечно, бредово. Но я давно смирился с этим. Ведь гораздо бредовой, согласитесь, звучит то, что некто способен заставить мертвого встать и пойти, а?

Вот и получается, что поскольку спросить мне совета не у кого, брать информацию неоткуда, все вышеописанное мне приходится воспринимать как простую данность. Остается лишь надеяться, что прославленный метод эмпирического тыка каким-то образом сумеет приоткрыть мне хотя бы маленькую частичку от мистических тайн необъяснимой научно магии смерти.

Накладывает определенные ограничения в моих исследованиях и то, что из-за врожденной жалостливой натуры, я не могу использовать в этих целях животных. Крысы, на которых я ставил эксперименты еще со школы, не в счет. То были самые настоящие враги, прогрызающие десятки нор в нашей квартире, портящие продукты и вещи... однажды эти голохвостые скотины вообще сожрали отцовскую заначку. Из пятисот рублей (на те времена, целая годовая зарплата) удалось сохранить только сотню с небольшим. И это с учетом тех, которые были порченые, но которые приняли в кассе.

Батя тогда с досады запил на четыре дня. И это не смотря на то, что он у меня не бухал в принципе. Ну вот и скажите, какое отношение у меня должно быть к этим тварям? Соответствующее, конечно же. Однако не подумайте, что я ксенофоб какой. Лабораторных мышей и крыс моя ненависть не коснулась ни разу. Ну вот просто не поднимается у меня рука на ни в чем неповинных созданий.

Потому и пришлось мне найти такое место, где всегда есть боль, страдания и смерть, и причина которых не я. Заведения для лечения раковых больных подошли как нельзя лучше. А обосноваться в них было всего лишь делом техники и дипломатии.

Но хватит воспоминаний, пора работать! В моей руке тускло блеснул хирургический скальпель. Сделав на левом предплечье неширокий, но достаточно глубокий надрез, я вооружился другим инструментом – узким пинцетом. Глубоко вздохнув, я сунул его в рану и защипнул кровоточащее мясо.

От боли, прострелившей руку до самых кончиков пальцев, на лбу выступила испарина, но я не собирался сдаваться, не предприняв хотя бы нескольких попыток. Я пытался поймать то чувство, которое испытываю когда рядом со мной страдает посторонний человек, но ничего общего не мог найти. Когда терпеть становилось невмоготу, то я окунался в водоворот чужой агонии, испытываемой пациентами, располагающимися этажом выше. Это почти напрочь отрезало мои собственные болевые ощущения. В таком состоянии я проводил, субъективно, около пяти минут, хотя вряд ли это занимало более тридцати секунд реального времени. А потом разрывал контакт с чужими физическими страданиями и, пытаясь держать в памяти эти ощущения и повторить их, защипывал разрез пинцетом.

В таком режиме время ведет себя странно. Оно одновременно и летит, и ползет улиткой. К тому моменту, когда зазвонил стационарный телефон, я не мог понять, прошел час или десять минут.

Подняв трубку, я услышал голос самого главврача сего заведения.

– Алло, Сергей Анатольевич! Извините, что побеспокоила, но тут мне с регистратуры девочки звонят, говорят, что к вам посетитель просится. Он, как бы это сказать... с ксивой.

Черт, совсем ведь забыл предупредить местную администрацию о визите федерала. Все Лунин виноват, заболтал меня.

– Надежда Васильевна! Не ожидал от вас таких познаний жаргона!

На том конце провода что-то смущенно пробормотали.

– Выделите, пожалуйста, ему сопровождающего, а я пока тут порядочек наведу. Надеюсь, я не сильно утруждаю подобной просьбой?

– Ой, ну что вы, Сергей, – по голосу было слышно, что главврач заулыбалась, отчего даже забыла добавить отчество, – ничего подобного! За ту помощь, которую вы нашему скромному заведению оказываете, я готова хоть каждый день вашим секретарем лично подрабатывать!

– Спасибо на добром слове, но я ни за что не посмею вас так утруждать. У вас другое призвание, Надежда Васильевна, вам людей нужно спасать.

– Я сейчас же отправлю к вам посетителя. И, знаете что Сергей Анатольевич? Спасибо вам большое за все, что вы делаете. Вы просто святой...

И гудки.

Ох, Надежда Васильевна, наивная вы женщина. Знала б ты, чем я здесь на самом деле занимаюсь и для чего прихожу, то прокляла бы...

Пока ФСБшник топал ко мне в берлогу, я привел кабинет в относительный порядок – смахнул марлей кровь со стола, примотал бинтом толстый ватный тампон к надрезу, убрал испачканные в крови инструменты и снова накинул пиджак.

Схватив со стола открытую еще при Лунине банку колы, с грустью отметил, что она совершенно пуста. Но не успел я достать из холодильника новую, как дверь без стука распахнулась. На пороге показался худощавый мужчина в штатском, а за спиной его маячила молоденькая девушка в белом халате.

– Спасибо, что проводили, – поблагодарил я ее, после чего она сразу убежала по своим делам.

Андреев же и глазом не повел в ее сторону, а по-свойски вошел в мое убежище, без особого стеснения глаза по сторонам.

– Да, скромно как-то, – проговорил он с непонятными интонациями. В эмоциональном фоне в это время, царила какая-то абсолютная тишина, будто и не человек передо мной стоял.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.